

Возможность приблизиться к ответу на поставленные вопросы, как нам представляется, существует.

Во-первых, отмеченное нами переживание, конечно же, отнюдь не единично среди раздумий Некрасова середины 1850-х годов. Более того, оно укоренено едва ли не в самом эпицентре мировоззренческих представлений поэта. Серьезным свидетельством тому может служить, например, другое его стихотворение того же времени «Еще скончался честный человек...». Предмет стихотворения — смерть именно *честного*, порядочного, достойного человека. И смерть, случившаяся не от «завалов и простуд», не от мук совести вследствие совершенного злодеяния и даже не от каторжного труда или «разгула жалкого», но от вынужденного бездействия — при желании «служить Добру, для ближнего трудиться» и жажде «дела благородного», от мучительной грусти «в сознании своих напрасных сил», от готовности «себя ломать», «на немногом помириться» — и *невольной* «покорности судьбе», от «внутренней борьбы», страдальческих слез и «тайных угрызений». Ведь в том числе и об этом позднее Некрасов выскажется так:

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

(Т. 2. С. 139)

Убивает подобных людей, по убеждению поэта, не собственно «царящее зло», но «вечно ложный звук» жизненной обыденности, не крайность, не поругание гуманных норм, но *самая норма* повседневного и общепринятого человеческого существования, его «пошлость и рутина»!

Сегодня представляется не столь существенным, кому именно могло быть посвящено или к кому было обращено это поэтическое признание, кто из современников Некрасова дал повод поэту высказаться подобным образом. Наоборот, широта трактовки возможного адресата (Т. Н. Грановский, Н. Г. Фролов, идеалисты — «люди сороковых годов»⁴ в трактовке И. С. Тургенева или А. Ф. Писемского, «русские скитальцы» в понимании А. И. Герцена или Ф. М. Достоевского и др.) только подчеркивает вероятную универсальность и значительность заявленной концепции как для самого поэта, так и для его аудитории. Более того, есть веские основания предполагать, что еще одним (и едва ли не определяющим) источником проблематики и «адресатом» обоих рассматриваемых стихотворений следует считать самого поэта. Открывающаяся при этом перспектива позволяет многое в динамике ценностного мировидения Некрасова увидеть в не вполне привычном свете.

Во-вторых, следует учесть, что середина 1850-х годов вообще стала серьезнейшим рубежом в жизни Некрасова. Тяжелая горловая язва поставила поэта на грань смерти. Ощущение успеха, кружащий голову новый статус действительного хозяина крупного коммерческого и, что особенно возвышало его в собственных глазах, общественно значимого, на порядочных основаниях воздвигнутого предприятия — лучшего, как оказалось, столичного журнала — вдруг перестали быть жизненным утешением ему как человеку и как деятелю на культурной ниве:

⁴ Ср. также стихотворение Некрасова «Человек сороковых годов» и весь замысел его «Iesedgame» «Медвежья охота» (1866—1867), равно как и использование поэтом фрагментов текста и идей стихотворения «Еще скончался честный человек...» в других своих сочинениях: упомянутой «Медвежьей охоте», так называемой «покаянной» лирике, стихотворении «Над чем мы смеемся...» (1874) и т. п.